

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА. БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА НАШ МИР И МИР НАШИХ ВНУКОВ*

В. Зассин

Мюнхенский технический
университет,
Мюнхен, Германия

wolfgang@sassin.at

За любым канонем ценностей и за всяким поведенческим кодексом стоят образы человека. Они определяют не только стремления к достижению тех или иных общественных целей. В конечном счете всякое изменение этих образов приводит к революциям, радикально влияющим на развитие целых государств. В статье освещаются некоторые взаимосвязи и скрытые противоречия, таящиеся за Десятью заповедями Ветхого Завета, Нагорной проповедью Иисуса Христа, американской Декларацией независимости 1776 г., связанной с ней французской конституцией 1791 г. и, наконец, за Декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 г. Образ свободного и полноправного человека, отмеченного врожденным достоинством, находится в кричащем противоречии с тем, что представляет собой человечество, численность которого скоро достигнет десяти миллиардной отметки. Ограниченные возможности исчерпаемых ресурсов планеты Земля настоятельно требуют изменения наших традиционных представлений о человеке. Жизнь наших внуков будет определяться новым образом человека и тем, когда и как он будет выработан.

Ключевые слова: философия, системы ценностей, права человека, глобализация, Организация Объединенных Наций, человечество, экологические пределы.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-64-77

Десять заповедей дошли до нас из периода перехода от кочевой жизни к цивилизации, начавшегося с появления городов и отчуждения от природы, более того – от противопоставления ей, на основе различных письменных источников от одного до нескольких веков до рождения Христа. В те времена люди еще не сознавали, что их сущность колеблется между Добром и Злом, и жизнь учила их, что для достижения равновесия была нужна некая иерархия и некая карающая инстанция, утверждающая границу между тем и другим.

Десять заповедей содержат три требования и семь запретов. Они относились к «де-

тям Авраама», т. е. к его потомкам, а не к тем, кого мы сегодня называем детьми. В древнегреческом языке слово *País* обозначало как детей, так и рабов, т. е. некоторую нераздельную общность людей, во времена Иисуса не имевших собственных прав. Они еще не могли различать Добро и Зло и были собственностью патриархов, которые их вели. Их общим клеймом было неполноправие.

Запреты предполагают некую высшую власть, которая воплощалась в патриархате, а позже – в государстве и сформированной им общественной структуре.

С возникновением больших городов и городского уклада общественной жизни

* Перевод И.А. Канакина.

ни появилась необходимость институционализации власти и суждения о Добре и Зле. Устанавливаются законы, сохранявшие силу и после смерти конкретного правителя. В центре этих правовых систем находится уже не поведение отдельного человека; теперь речь идет исключительно об общественном благе, т. е. благе государства в различных формах его существования.

Государство получало статус как бы бессмертной правовой личности. Что это означало, до конца понимают не все и в наши дни. Ведь только таким путем устанавливается эмоциональное отношение субъекта к *своему* государству. И только в качестве такой псевдоличности правовая фикция – государство или иное объединение – может стать Добром или Злом. На практике часто государство репрезентирует себя в конкретной личности, что придает ему «человеческий» облик: Людовик XIV, Король-Солнце, сказал о себе: «Государство – это я».

Римский сенат привлек Цезаря к ответственности не за то, что он обрек тысячи кельтов, германцев и галлов на смерть, страдания и рабство. Цезарь был убит потому, что, перейдя Рубикон, он нарушил правопорядок государства.

Иисус и его ученики кардинально изменили образ человека, стоявший за Десятью заповедями. В Нагорной проповеди число требований возросло относительно числа запретов; более того, она устанавливала совершенно новую иерархию тех и других. Можно сказать, что она с ног на голову перевернула образ человека Десяти заповедей. Чудесное умножение хлебов и рыб как бы предвосхищало идею государства, призванного чудесным образом накормить всех. С Нагорной проповедью в мир вошла вера в социальное чудо и тре-

бование: «Возлюби своего ближнего как самого себя».

С Нагорной проповедью приобретала конкретные формы и идея о равенстве всех людей на Земле, а не только членов малой и обозримой группы, какой была семья или род. Эта универсальная идея отражена в заповеди «Идите и учите все народы».

Образ слабого и потому угодного Богу человека проходит через весь Новый Завет. Например, в словах «Истинно говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное», или в радикальном требовании «А я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую». Перед нами – примеры вынужденного поведения всех неполноправных, и по-другому они вести себя не могли. Не будет большим преувеличением видеть в Нагорной проповеди ту духовную революцию, которая позже привела к идее демократии, власти «низов».

Этот новый образ человека и в конце второго тысячелетия его почти невероятной истории был и остается несовместимым с представлением об обществе как государстве, постоянно выступающем в ипостаси МЫ. Это МЫ – не сумма отдельных Я, об этом свидетельствует ответ Христа: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу богово». О войне и мире между государствами Иисус ничего не говорит. Наше МЫ способно подвинуть нас на Зло; для него же, как кажется, МЫ существует только в Боге. А Бог хотя и карает (вспомним Содом и Гоморру или Потоп), но он не ведет войн, будучи недоступным для людей.

Иисус различает государство и отдельного человека. Можно сказать, что не существует «коллективной» души. Перед Богом ответственна каждая отдельная душа. Греш-

ники не войдут на небо скопом вместе с истинно верующими и богобоязненными, как не попадут они скопом и в ад.

В нашем МЫ по умолчанию продолжает жить патриархат. Он находит свое выражение в понятиях вроде «Король – отец нации» или «Властитель Божией милостью» и даже в представительной демократии – в лице президента. Потому что президент всегда хочет быть президентом для всех, и прежде всего для тех, кто за него не голосовал. Тем самым он претендует на нечто такое, что ему не было дано. И при демократии президента нужно принимать как отца, хочешь ты этого или нет, даже если ты подброшенный кукушонок.

Эта персонификация власти в фиктивном понятии МЫ кажется неизбежной. Потому что мы – отдельные, т. е. анонимные составляющие этого МЫ – не имеем к государству прямого личностного отношения. Только благодаря такой персонификации мы в состоянии принять холодные законы государства. Мы успокаиваем себя мыслью, что в конечном счете законы создаются людьми, такими же как мы. Тем самым мы закрываем глаза на то, что и «отец нации», подобно любому властителю, подписывает смертные приговоры и объявляет войну другим государствам, как только общество чувствует серьезную угрозу.

Историк А. Демандт написал книгу о Понтии Пилате, в которой анализирует правовое положение Иудей в качестве римской провинции [1]. Он приходит к заключению, что в противоположность Каифе Понтий Пилат вынес «слабый, политически мотивированный и услужливый» приговор. Каифа был в то время не только первосвященником, но и светским руководителем еврейского народа, включенного в Римскую империю. Царь Ирод, напро-

тив, был лишь властителем римской милостью. Пилат должен был предотвратить опасность распада общества в Иудее. С сегодняшней точки зрения можно провести параллель между группкой вокруг Иисуса и теми революционерами, которые поднялись на штурм Бастилии, или теми, кто вместе с Лениным сверг своего царя и уничтожил его государство. Каифа руководствовался вовсе не этикой Нагорной проповеди («возлюби врагов твоих»). Он не надеялся на небесную поддержку, чтобы сбросить ярмо чужого владычества. Новый Завет наглядно описывает разочарование тех, кто сделал ставку на Иисуса, а не на Каифу, когда ожидавшаяся помощь с неба так и не пришла на Голгофу.

Принадлежа к государству – организации большой и потому неизбежно анонимной, многие хотят, чтобы это было сильное государство, способное утвердить и защитить право и справедливость. При этом чем хуже живет общество, тем сильнее оно стремится к перераспределению, обращая взоры на тех немногих, кто обладает «состоянием», материальным или иным, которое должно служить поддержке более слабых.

Однако справедливость – понятие в высшей степени относительное. Государства, уступающие стремлению к дискриминации своих имущих (т. е. тех, кто на что-то способен), сплошь и рядом воспринимаются как правильные и справедливые. Подобные общества создают для себя правовые системы и конституции, принуждающие государственные органы отбирать средства у тех слоев населения, которые не могут защитить себя от этого. И поэтому конфликт между Я и МЫ принципиально неразрешим. В лучшем случае он может быть сведен к некоему

терпимому равновесию. Найти это равновесие становится тем труднее, чем сложнее становится общество и чем больше оно переносит основные функции на всё растущее число индивидов, столь сильно зависящих от анонимной системы, которую отдельный человек уже не может окинуть взглядом, не говоря уже о том, чтобы управлять ею.

Выведенное из этого равновесия, Национальное собрание Франции с помощью своей конституции не только отправило имущих на гильотину – оно перераспределило их имущество. За несколько лет лозунг «Свобода, равенство, братство!» превратил это столь радикально «облагороженное и просвещенное» общество в агрессивную милитаристскую державу. Под водительством самозваного императора Наполеона Бонапарта она втянула в войну всю Европу и обложила ее данью, потому что всё подлежащее перераспределению после штурма Бастилии в 1789 г. было быстро растрачено. И именно требование равенства и братства в конечном счете способствовало бурному росту колониальных держав, в которых гуманные принципы относились уже не ко всем.

После эпохи Просвещения Европа не устояла перед искушением покорить весь мир. Рабство и экономическое ограбление колоний в XVIII и XIX веках достигли невиданного до тех пор размаха. Сходным образом проходило развитие Америки. Союз отдельных будущих федеральных штатов, основанных европейскими переселенцами, возник с целью избавиться от крепостной зависимости и налогового гнета. Их объединение было реакцией на тяжелое бремя налогов на «американские владения», навязанное Британской короной. При этом вожди движения за независимость ссыла-

лись на Библию, но никак не на Нагорную проповедь. Поселенцы-колонисты больше не желали быть слабыми и подставлять другую щеку.

Война за отделение Соединенных Штатов была тщательно обоснована в Декларации независимости 1776 г. В ней виден образ человека, строящего свое государство за чужой счет и стремящегося к экспансии за пределы собственного МЫ. Внутренняя противоречивость Декларации очевидна: ни существовавшее тогда рабство в южных штатах, ни нарушение прав аборигенов не находят никакого отражения ни в тексте самой Декларации независимости, ни в первых десяти поправках к ней, образующих ядро американской конституции. Равенство, свобода и братство, стремление к свободе и счастью и неотъемлемые права человека относятся исключительно к территориально четко ограниченной и привилегированной группе. Эта Америка шла вглубь довольно малолюдного континента за счет других. Она захватывала то, что ей не принадлежало, и даже сегодня требует особых привилегий для своих граждан во всем мире (например, ни один американский гражданин не подлежит юрисдикции Международного суда в Гааге).

Экспансия государств, требующих преимуществ для своих граждан за счет чужих, чрезвычайно усилилась в результате научно-технической революции в Новое время. Эту революцию сопровождало развитие экономических принципов, единственной целью которых было оптимальное использование факторов производства. К последним был отнесен и отдельный человек, вынужденный теперь конкурировать с машиной. Сведению человеческого труда лишь к одному из производственных факторов

активно способствовало государство, берущее на себя все новые функции распределения по мере диверсификации производства. Этот вид экспансии как общая парадигма роста развернулся во второй половине XIX и особенно в первой половине XX века [2].

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что материальное могущество современных экономических систем в действительности основано на принципах военной экономики, управляемой государством, а вовсе не на принципах свободного рынка. Никакого свободного рынка нет в государстве, распоряжающемся половиной всего произведенного его гражданами. Лишь благодаря экономическим системам, построенным на таких принципах, стала возможна глобализация войны, неведомая вплоть до XIX века.

Казавшийся глобальным «победный марш» европейских держав закончился в 1945 году в Европе, претерпевшей не только материальные разрушения. Времена господства европейских, т. е. так называемых христианских ценностей, на которые особенно любят ссылаться США, завершились атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки.

Но конец «этического превосходства» Европы обозначился задолго до этой эскалации варварства, а именно уже с использованием пулеметов и отравляющих газов в Первой мировой войне, позже – с появлением концлагерей в Германии и Российского ГУЛАГа и с военными действиями против гражданского населения методом ковровых бомбардировок.

В общем грехопадении Европы и Америки ничего не изменили и учреждение ООН, и Хартия прав человека 1948 г., как бы кто ни трактовал ее как попытку иску-

пления вины¹. Эта Хартия выходит далеко за рамки Нагорной проповеди и содержит 30 статей, определяющих свободы и права «всех людей», принимаемые за идеал, осуществлению которого должны способствовать все институты нашего мира. Таким образом, на коллективное МЫ возлагается неблагодарная задача административного воздействия на *всех*, чтобы *каждому* было гарантировано следующее:

- жизнь, свобода и личная безопасность;
- свобода передвижения;
- право на свободный выбор профессии, на труд и достойное вознаграждение;
- право на жизненный уровень, обеспечивающий человеку и его семье здоровье и благосостояние, включая пищу, одежду, жилище, медицинское обслуживание и необходимую социальную помощь, а также право на компенсацию в случае потери работы, болезни, инвалидности или вдовства, по старости и в иных случаях утраты средств к существованию не по собственной вине (статья 25).

¹ Элеонора Рузвельт, супруга американского президента Теодора Рузвельта, на протяжении всей своей жизни была активисткой борьбы за права человека. В качестве председателя Комитета по правам человека на Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 г. в зале дворца Шайо в Париже она представила Каталог прав человека, который был принят единогласно. Она выступила со словами: «Сегодня мы стоим на пороге великого события как в жизни Объединенных Наций, так и в жизни человечества. Эта декларация может стать международной Magna Carta для всех людей в мире». Это ее выступление напрямую связано с Доктриной Трумэна, которую Гарри С. Трумэн, наследник президента Рузвельта, обнародовал перед американским Конгрессом 12 марта 1947 г. В ней содержался внешнеполитический принцип, гласивший, что США обязуются «оказывать помощь всем свободным народам, борющимся против подчинения вооруженным меньшинствам или внешнего давления».

На фоне этих неограниченных требований Каталога прав человека, разработанного отцами-основателями ООН, конфликт между Инсусом и Каифой, который должен был разрешить Понтий Пилат, выглядит чем-то маргинальным. Правительства, которым сегодня приходится изыскивать средства для реализации идеала Хартии, видят свои возможности удовлетворить требованиям равной защиты человеческого достоинства *каждого* только либо за чужой счет, т. е. за счет внешней экспансии, либо путем постоянного ущемления собственных граждан. Это ведет к безудержному стремлению переложить свои экономические и экологические трудности на чужие плечи либо отнести их на счет будущих поколений, что пока является единственной политической попыткой хоть как-то разрешить дилемму прав и обязанностей.

В действительности ООН со своей стратегией не смогла предотвратить ни холодную войну, ни тем более связанные с ней многочисленные «заместительные» войны. Своей программой развития третьего мира ООН создала лишь повод перенести биполярность капитализма и коммунизма на уровень глобального противостояния. Подобное развитие породило ситуацию, которую геологи называют началом антропоцена. Под этим понимается фиксируемое изменение физических и химических условий на планете, вызванное деятельностью человека.

Фактически мы являемся свидетелями чрезвычайной экологической ситуации: после Второй мировой войны численность человечества возросла с двух с небольшим до семи с лишним миллиардов. За последние тридцать лет совершенно непропорционально выросла доля молодых, необ-

разованных и профессионально неподготовленных людей, достоинство которых существует только на бумаге. Одновременно с этим повысился уровень материального потребления приблизительно 20 % населения Земли.

В начале XXI века становится ясно, что наш мир представляет собой неравномерно расселенное и неравномерно развитое человечество, которому уже сегодня понадобилась бы еще одна планета, чтобы поддержать свое цивилизационное вторжение в природу на протяжении еще хотя бы одного столетия. Имеется в виду концепция «экологического отпечатка ног» (Fussabdruck), т. е. площади поверхности, необходимой для удовлетворения всех потребностей одного человека, которая была разработана Вакернагелем и Байерсом [3]. Согласно их оценке, даже без учета прироста населения и улучшения качества жизни по меньшей мере двух третей человечества для удовлетворения текущих потребностей уже в 2015 г. была необходима дополнительно еще половина такой планеты, как Земля.

Эта ситуация приводит к небывалым в истории массовым миграциям. И мы находимся лишь в начале процесса кардинального перераспределения ограниченных жизненных ресурсов. Об этом говорят предупреждения о грозящей климатической катастрофе. При глобальном потеплении более чем на два градуса Цельсия придется считаться с неизбежным перемещением больших масс населения Земли. Речь пойдет даже не о сотнях миллионов, а о миллиардах людей. По мнению федерального министра Барбары Хендрикс, продолжающиеся климатические изменения грозят всё новыми волнами беженцев. «Ясно, что появятся гигантские засушливые

зоны и зоны, подверженные наводнениям, если только мы не обуздаем изменения климата, – заявила политик журналу «Фокус» 7 ноября 2015 г. – И без того непрочные государства будут утрачивать стабильность. Это вызовет массу беженцев, которые придут к нам». Хендрикс требует признать понятие «климатические беженцы». «Задача ООН узаконить такую категорию, – говорит она. – Сегодня, к сожалению, положение таково, что тех, кто приезжает к нам по причине изменений климата, объявляют экономическими мигрантами. А ведь они утратили основу выживания».

Значительная часть политиков, ориентирующихся на Нагорную проповедь и концепцию Социалистического Интернационала, готова экстраполировать культуру открытых дверей и на ближайшие десятилетия. Они (и не только они) не видят, что нужно ограничить рост населения, а не его последствия.

Через 10-15 лет число людей, находящихся сегодня за пределами своих стран в поисках лучшей жизни (60 млн человек), возрастет по меньшей мере в десять раз. Об этом свидетельствуют данные о рождаемости и неспособность существующих государственных и общественных структур обеспечить ожидаемый к 2030 г. дополнительный миллиард молодых, необразованных и непродуктивных людей условиями, гарантирующими достойную жизнь по стандартам старых промышленных стран. Еще серьезнее то, что даже при обеспечении минимальных стандартов многие из этих людей не смогут выжить.

Организации Объединенных Наций следует, наконец, вплотную заняться проблемой, которую она не только обозначила сегодня, но и реально породила своей политикой, начиная с 1948 г. Совер-

шенно очевидно, что ООН не в состоянии даже приблизиться к своим возвышенным целям. Напротив, вместо этого мы видим стремительно ускоряющийся распад государственных устоев, отражающийся в гражданских войнах и в авторитарных общественных моделях, известных как террористические режимы, не признающие никаких границ.

Нарушение порядка в мировом порядке, существующем только на бумаге, показывает всю недалекость политики, которая изначально концентрировалась на правах и привела к бесконтрольному разгулу «гуманности». И потому совсем неудивительны повсеместно участившиеся попытки силой навязать *обязанности*. В этой связи было бы близоруким говорить только о терроре, не задаваясь вопросом о более глубоко лежащих причинах рецидивов насилия и бесправия. Ведь вскормленный Западом Талибан применяет сегодня против миссии ООН в «освобожденном» Афганистане тактику, разработанную для борьбы с советской оккупационной армией. Ссылку на талибов не следует понимать как оправдание жестокости. Подобные очаги кризисов обнажают на человеческом уровне действие неопровержимого закона природы, управляющего эволюцией всего живого: всякое перенапряжение экологической ниши ведет к коллапсу популяции, не сумевшей предусмотрительно приспособиться к ее границам.

Поэтому якобы мирная экономическая глобализация, имеющая своей целью перманентный рост, ведет к социальной глобализации со всеми ее непредсказуемыми драматическими последствиями. Перед нами замкнутый круг, который рано или поздно неизбежно вызовет коллапс всех существующих государственных структур.

Собственно говоря, видится только один выход из тупика социального мироустройства, требующего расширения всеобщих прав и умалчивающего о столь же всеобщих обязанностях, исполнение которых только и создает основу для прав. Однако реальное развитие ведет к чрезвычайному положению в глобальном масштабе, которое неизбежно закончится введением диктатуры. Об этом красноречиво свидетельствует паралич не только немецкой политики перед лицом еще довольно умеренного кризиса, порожденного беженцами. Выход заключается в том, чтобы вверить людей в их собственные руки. Практически это означает поставить в центр всякого общественного устройства не Нагорную проповедь, а Десять заповедей. Такой порядок должен выдвинуть на первое место ответственность каждого за свое потомство и наказание за пренебрежение такой ответственностью.

Это может быть осуществимо в рамках локально ограниченной, однородной и обозримой группы с развитой самоидентичностью и достаточными собственными возможностями. В международном же масштабе для этого требуются жесткие и рационально, а не эмоционально обоснованные меры. Если же прямо-таки «детские» (как они характеризуются в Нагорной проповеди) приоритеты изменить не удастся, то единственной альтернативой для якобы открытого общества станет объединение всех частных сообществ в громадный коллективный организм, который лишит отдельную клетку всякой свободы.

Примером служит любой многоклеточный организм. Каждая его клетка занимает закрепленное за ней место, служит целому в коллективно заданном ритме и вынуждена отдать свободу своего размножения в об-

мен на снабжение питанием и кислородом, которые она получает от своих симбионтов. При вторжении чужих вирусов и бактерий клетка не имеет права на самооборону, для этого существует иммунная система из агрессивных клеток, общая численность которых регулируется организмом. При отказе иммунной системы отдельная клетка становится беззащитной.

Для выработки альтернативных образов человека, жестко задаваемых условиями существования миллиардов людей на этой планете, в будущем придется переформулировать Десять заповедей, которые станут обязательными для «Нации землян» с общемировым правительством. И тогда станет ясно, что всё идет к концу свободы и равенства и к исчезновению отдельного индивида.

В эволюции никакая монокультура не живет долго без того, чтобы от нее не отделились некие части, либо продолжающие развиваться, либо обреченные на вымирание. Решающим условием для разнообразия видов всегда было различие. Без положительного различия невозможна идентичность, как невозможна и общность, ведущая к активному действию лишь перед лицом вызова со стороны Другого или Чужого. Если бы не было любви и привязанности к чему-то своему, похожему, то и нас бы не было. Связь с Другим, с Чужим хотя и привлекательна, но она постоянно сопровождается риском полного провала. Этот биологический аспект находит параллель и на интеллектуальном уровне. В религиозной сфере об этих основных законах эволюции свидетельствуют еретики и реформаторы. Открытия Дарвина (хотя и не обязательно его объяснения) – несомненная реальность. И они еще явственнее подтверждаются в истории идей.

Мне кажется, для понимания истории современного человека нет более простого пути, чем прислушаться к тем, кто до нас размышлял о потустороннем, о Добре и Зле и прежде всего о той Силе, которая не только способна прощать, но и наказывает того, кто преступает границы допустимого риска.

В заключение несколько мыслей, которые могут оказаться полезными в плане практической политики.

Подчеркнем, что ценности относятся к наиболее реальным и эффективным инструментам человеческой деятельности. Они более эффективны, чем оружие, деньги или знания. Тем важнее подвергнуть их критическому пересмотру и соотнести их эмоциональный аспект с рациональным.

Перед лицом массовых миграций даже малые страны могли бы привлечь ООН к ответу и потребовать, чтобы она претворила в жизнь все то, что внесла в свою Хартию. Очень быстро это привело бы к развенчанию и роспуску самого феномена Организации Объединенных Наций, потому что именно стратегия развития ООН и большинства обрамляющих ее организаций – ВОЗ, ВТО, Всемирного банка и других – способствовала тому, что на протяжении жизни нескольких поколений мир утратил стабильность. Человечество не стало упорядоченным и стремящимся к Добру – оно испытало бесконтрольный рост. И речь идет не о конфликтах между отдельными странами, а о перераспределении жизненных ресурсов на планете Земля и о связанном с этим новом образе человека.

Тео Зоммер в газете *Die Welt* от 10.02.2016 г. пишет: «В преддверии Года Лютера Штайнмайер мог бы сослаться на слова реформатора: “Миром нельзя управлять по Евангелию, это означало

бы спустить с цепи диких зверей”». Но он мог бы повторить и то, что сказал один из его социал-демократических предшественников, Вилли Брандт, подвергшийся резкой критике в 1972 году после визита, нанесенного иранскому шаху Реза Пехлеви: «Политические условия во многих странах не отвечают нашим представлениям о демократии. Но мы не призваны быть им судьей. У нас свои представления о ценностях, но я считаю, что мы не вправе желать улучшить мир по нашему образцу. Каждый из нас может иметь свое мнение о той или иной стране и высказывать его. Но наша внешняя политика и защита наших внешнеэкономических интересов должны оставаться свободными от идеологических предубеждений. Мы не хотим вмешательства в наши внутренние дела. И это должно быть нашим принципом в отношении с другими государствами».

Так или иначе мы стоим перед смелой духовных эпох. Коллективное решение проблем выглядит сегодня менее реальным, чем когда-либо прежде. Оно было бы сопоставимо с наступлением Царства Божьего, которому, как известно, должен предшествовать Страшный Суд. А кому бы этого хотелось? Не будем забывать, что в тысячах подземных бункеров всё еще дремлют бомбы, способные уничтожить человечество.

Литература

1. *Demandt A.* Pontius Pilatus. – München: C.H. Beck Verlag, 2015. – 128 p.
2. *Knauss F.* Wirtschaftsjournalismus und Wachstumsparadigma / Institute for Advanced Sustainability Studies. – Potsdam, 2015. – 20 p. – (IASS Working Paper).
3. *Wackernagel M., Beyers B.* Der ecological footprint: die Welt neu vermessen. – Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 2010. – 243 p.

**IMAGES OF MAN.
A CURSORY LOOK AT OUR WORLD AND THE WORLD
OF OUR GRANDCHILDREN**

W. Sassin

Technical University of Munich,
Munich, Germany

wolfgang@sassin.at

The specific images of man stand for any canon of values and for any behavioral code. They determine not only the desire to achieve certain public goals. In the end, any change in these images leads to revolutions, radically influencing the development of entire countries. The article highlights some of the linkages and concealed contradictions hidden behind the Ten commandments of the Old Testament, the Sermon on the Mount of Jesus Christ, the American Declaration of Independence of 1776, and related French Constitution of 1791, and finally, of the UN Declaration of Human Rights of 1948. The image of free and rightful man with innate dignity stands in glaring contradiction with the reality of modern humankind, which will reach the ten billion mark quite soon. The limited capacity of finite resources of planet Earth decidedly demands the change of our traditional ideas about man. The lives of our grandchildren will be determined by the new image of man and the way of when and how it will be developed.

Keywords: philosophy, value system, human rights, globalization, the United Nations, humankind, ecological limits.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-64-77

Reference

1. Demandt A. *Pontius Pilatus*. München, C.H. Beck Verlag, 2015. 128 p.
2. Knauss F. *Wirtschaftsjournalismus und Wachstumsparadigma. LASS Working Paper*. Portsdam, 2015. 20 p.
3. Wackernagel M., Beyers B. *Der ecological footprint: die Welt neu vermessen*. Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 2010. 243 p.

Учитывая дискуссионность данной статьи, редакция журнала «Идеи и Идеалы» попросила высказаться о поставленных Вольфгангом Зассином вопросах двух новосибирских священников. Ниже мы публикуем их отзывы на статью.

**Размышления о статье Вольфганга Зассина «Образы человека.
Беглый взгляд на наш мир и на мир наших внуков»**

о. Иоанн (И.А. Реморов)

Священник, кандидат филологических наук

В статье, названной «Образы человека», Вольфганг Зассин делает попытку взглянуть на глобальные проблемы современного человечества через призму раз-

личных библейских образов. В предлагаемой интерпретации противопоставляются ветхозаветный (Десять заповедей) и новозаветный (Нагорная проповедь) подходы

к пониманию места человека в мире. При этом под подходом Нагорной проповеди автор понимает прежде всего требование равенства и равноправия всех людей. Такое требование, на его взгляд, является невыполнимым: попытки декларировать полное равенство в XVIII–XIX веках на поверку относились лишь к национально ограниченным группам людей, а когда со времен создания ООН принцип безусловного равноправия всех стал доминировать в международной политике, мироустройство стало неуклонно двигаться к краху за счет перенаселенности и принципиальной невозможности обеспечения прав для абсолютно каждого из людей. Поэтому автор предлагает пересмотреть ценности и вернуться от Нагорной проповеди к Десяти заповедям.

Впечатление от статьи возникает двоякое. С одной стороны, она поднимает важную проблематику современного мироустройства, ставит ребром насущные вопросы. С другой стороны, принятая автором интерпретация библейских образов оставляет определенное недоумение: призыв «поставить в центр всякого общественного устройства Десять заповедей, а не Нагорную проповедь» представляется не вполне корректным. Нагорная проповедь всё же не может устареть.

Трактовка автором библейских образов носит несколько вольный характер. Бросаются в глаза некоторые фактологические неточности, хоть и не критичные для общей идеи. Так, пояснение «Декалог возник на основе различных письменных источников от одного до нескольких веков до рождения Христа», скорее всего, смешивает собственно Декалог, имевший древнюю и собственную традицию устойчивого текста, с Торой или Ветхим Заветом

в целом, которые в каноническом виде действительно были собраны воедино лишь в указанную эпоху. Не ясно, почему при пояснении реалий древнееврейской ветхозаветной культуры использовано греческое (т. е. инокультурное) слово *παῖς*; лучше было бы использовать синонимичное ему древнееврейское *בְּנֵי אָדָם*. Десять заповедей, по словам автора, содержат три требования и семь запретов, тогда как требований в тексте лишь два (помнить день субботний и почитать родителей), а запретов – не менее девяти, что, впрочем, лишь усиливает мысль автора. С другой стороны, параллель между сторонниками Иисуса и революционерами, желавшими разрушить основы государства, выглядит весьма натянутой: в новозаветную эпоху существовали зилоты-революционеры, однако Христос принципиально отмежевывается от них, а предложенный Пилатом выбор между Христом и Вараввой – это выбор именно между Нагорной проповедью и мятежником-революционером, причем выбор в пользу мятежника Вараввы был инициирован именно Каиафой.

Впрочем, фактологические неточности в отношении библейской эпохи не умаляют актуальности и значимости поднимаемой в статье темы. За столь оригинальной интерпретацией библейских образов (Декалог как коллективизм, а Нагорная проповедь как индивидуальное начало и права человека) скрывается сложная проблематика, которую по-иному выразить затруднительно, особенно немецкоязычному автору. Ведь кажется, почти всякий иной способ постулирования неравноправия людей и народов может вызвать подозрения в симпатиях к отвергнутому Германией национал-социализму, и тем не менее поднимать этот вопрос всё же надо.

Современная Европа в последние годы столкнулась с особо массовой миграцией беженцев от «арабской весны» и гражданских войн, стремящихся в развитые страны в поисках прав и гуманного отношения. В этот же ряд можно поставить и массовые протесты в США в 2011 г. – движение «Захвати Уолл-стрит», проходившее под лозунгом «Нас 99 %», с требованиями перераспределить материальное благополучие одного процента граждан на всех остальных. Особо трагичной историей подобного рода является судьба построенных выходцами из Европы цивилизаций в бывшей Южной Родезии и в отказавшейся от апартеида ЮАР. Судя по мировым тенденциям, подобные проблемы будут лишь возрастать. Но значит ли это, что необходимо отказаться от Нагорной проповеди с ее универсализмом?

Мне хотелось бы обратить внимание на два момента, лишь вскользь упомянутых в статье, однако являющихся, на мой взгляд, ключевыми для поиска решения выявленных проблем. Во-первых, разговор о правах действительно должен всегда

сопровождаться разговором об обязанностях. Само понятие прав должно быть неотделимо от сопровождающих права обязанностей. Во-вторых, национальная принадлежность или другие не зависящие от человека свойства не могут являться основанием для сегрегации, однако таковым основанием в некотором отношении вполне мог бы являться уровень образования. Хотя право на доступность хорошего образования может быть у каждого, однако, если бы, например, избирательные права соответствовали фактически полученному образованию, мир стал бы более сбалансированным.

А Нагорную проповедь нельзя считать устаревшей. Ведь если отказаться от предлагаемого ею признания человеческого достоинства за каждым из людей вне зависимости от национальной принадлежности и других признаков, то многочисленные войны тут же вспыхнут с новой силой. И нет никакой гарантии, что в этих новых войнах победителями выйдут именно те, кто хочет остаться в числе «золотого миллиарда».

Отзыв на статью Вольфганга Зассина «Образы человека. Беглый взгляд на наш мир и мир наших внуков»

Иеромонах **Платон** (С.В. Романов),
кандидат философских наук

Как я понял, общий пафос статьи заключается в критической оценке истории европейской цивилизации с ее демократическими идеалами и институтами, в настоящее время стоящей на пороге новой диктатуры вождей. Надежды на коллективный разум (демократические формы политического устройства и рыночные механизмы функционирования экономики) не оправдались. За этими фактами стоят, по мне-

нию автора, более фундаментальные изменения на уровне неких культурных архетипов, которые он называет образами человека. Именно эти образы определяют этические модели поведения людей.

Ветхозаветные заповеди, по мнению автора, соответствуют такому образу, который предполагает монархическую форму государства с ярко выраженной персонализацией власти. Новозаветная этиче-

ская модель была, как я понял, основой для формирования неперсонифицированного государства, основанного на принципе равенства людей, т. е. послужила основой для становления народовластия. В настоящее время происходит возврат к ветхозаветной этической модели.

Такая постановка вопроса, как мне кажется, имеет право на существование. Но в самой статье имеется ряд недостатков. Прежде всего, непонятны почти все места, где автор опирается на Священное Писание. Трактовка библейских мест настолько оригинальна, что вызывает больше недоумений, чем каких-либо положительных ассоциаций. Приведем примеры.

1. «С Нагорной проповеди приобрела конкретные формы и идея о равенстве всех людей на Земле, а не только в малой и обозримой группе, какой были семья и род. Эта универсальная идея отражена в заповеди «Идите и учите все народы»».

Возникает вопрос: какая связь между повелением Христа проповедовать Евангелие всем народам и идеей равенства? Мне кажется, что никакой связи между ними нет. Ни экзегетических, ни исторических оснований для подобного истолкования, на мой взгляд, не существует. Евангельское равенство всех людей перед Богом не имеет никакого отношения к социальному равенству. Об этом свидетельствует и история. Ведь расцвет христианской культуры как в Европе, так и в России приходился как раз на эпоху монархий. А распространение демократических форм правления происходило во время упадка христианской культуры (Новое время в Европе, свободомыслие в России в XIX в.).

2. «Образ слабого и потому удобного Богу человека проходит через весь Новый Завет – как, например, в словах «Истинно

говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» или в радикальном требовании: «А я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую»».

Такая трактовка заповедей весьма спорна. Автор, по-видимому, опять не различает духовного и социального аспектов. Когда Христос говорит о том, что необходимо стать как дети, речь идет о духовном состоянии человека, т. е. о том, что надо стать безгрешным, перестать грешить. Но это совершенно не означает, что нужно стать наивным, инфантильным, в общем, слабым. Великий полководец Александр Невский мог вполне сочетать в себе мужественного воина и ребенка в духовном смысле. Это же относится к пониманию принципа непротивления злу. Трактовка автора статьи ближе к позиции Л.Н. Толстого, чем к традиционному его пониманию.

3. Вызывает недоумение трактовка выражения «Отдайте кесарю кесарево, а Богу богово». Автор увидел в этом выражении различие государства и отдельного человека. Но речь здесь идет о другом. Речь идет, если уж на то пошло, о различии государства и Церкви, земного и духовного.

Мне кажется, что было бы лучше, и статья ничего бы не потеряла, если бы автор не ссылался на Священное Писание.

Сама мысль автора показать за этическими кодексами некий образ, архетип человека осталась, на мой взгляд, не раскрытой. Две-три фразы еще ничего не объясняют. Если уж на то пошло, могу предположить, что образ (идеал) человека появляется только в Новом Завете благодаря Боговоплощению. Говорить об образе че-

ловека в Ветхом Завете нет оснований. Об этом можно прочесть у многих западных богословов и у В.Н. Лосского. Что касается образов человека применительно к американской Декларации независимости, то это еще нужно доказать и показать. Впрочем возможно, что демократические идеалы

свободы, равенства и братства не отражают никакого образа, а имеют чисто политическое происхождение. Образ есть там, где личность присутствует целостно. В Новом Завете он точно есть, а вот есть ли он в других системах ценностей – это большой вопрос!